УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г51

Emily Giffin
FIRST COMES LOVE

Серия «Вкус к жизни»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Park Literary Group и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского *Ирины Нечаевой*

Оформление обложки *Яны Паламарчук*

Гиффин, Эмили.
Г51 Прежде всего любовь : [роман] / Э. Гиффин ; [пер. с англ. И. А. Нечаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-17-112485-4

Страшная автомобильная авария оставила неизгладимый отпечаток на судьбах сестер Джози и Мередит Гарланд. Пятнадцать лет спустя обеим уже за тридцать и у них очень разные жизни.

Джози учительница первого класса, одинока и отчаянно мечтает стать матерью. Она устала от бесполезных свиданий и принимает решение взять исполнение мечты в свои руки.

Мередит образцовая дочь, идеальная жена и мама. Однако в последнее время она втайне задается вопросом: сама ли она выбрала такую жизнь или всегда лишь реализовывала чужие ожидания?

У Джози и Мередит много претензий друг к другу, к тому же перед годовщиной семейной трагедии начинают всплывать болезненные тайны прошлого. На пути к пониманию и прощению обе сестры обнаруживают, что нуждаются друг в друге больше, чем им казалось, и что в поисках истинного счастья любовь всегда стоит на первом месте.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Copyright © 2016 by Emily Giffin
© Нечаева И.А., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112485-4

Посвящается ТК

ПРОЛОГ

Когда Дэниел был совсем еще ребенком, он сказал матери, что время — очень загадочная штука. Если тебе хочется что-то как следует прочувствовать, оно сразу же пролетает мимо. А если очень нужно, чтобы что-то закончилось побыстрее, оно будет тянуться целую вечность. Элейн Гарланд записала эти слова в дневник, потому что для восьмилетки замечание было довольно тонким.

Впоследствии, перечитывая эту запись, она думала, что то же самое можно сказать и о воспоминаниях. Когда ты хочешь что-то забыть, то помнишь это ярко и зримо, а подробности того, что нужно запомнить, ускользнут от тебя, как сон на рассвете. Именно так теперь все и происходило, хотя они редко это обсуждали, по крайней мере, друг с другом. Прошло почти пятнадцать лет, и текли они сразу и быстро и медленно.

Это случилось на следующий день после двадцать пятого дня рождения Дэниела, за три дня до Рождества. Он одолел половину третьего курса медицинской школы в Йеле и вернулся домой на каникулы после семестра, посвященного клинической неврологии. С собой он пригласил свою девушку Софию, красавицу-британку из высшего общества, про которую однажды сказал, что никогда не встречал такой очаровательной

женщины. Они встречались уже больше года, но она раньше никогда не приезжала в Атланту и не была знакома с его родителями и сестрами. Все очень волновались, мечтали с ней познакомиться и надеялись на встречу. Элейн тревожилась больше всех. Во-первых, она всегда тревожилась, а во-вторых, Дэниелу не слишком везло с девушками. Его школьная подружка была очень назойлива, а подруга из колледжа постоянно его контролировала.

Но через несколько мгновений после их появления Элейн расслабилась и сразу полюбила Софи. Роб назвал ее собственницей. Сам он был явно горд тем, что его сын учится на врача и к тому же закадрил такое шикарное создание. Сестры Дэниела тоже ее одобрили. Джози очаровали стиль и красота Софи, и она в открытую восхищалась дорогой европейской одеждой и обувью, а Мередит, которая часто упрекала сестру в поверхностности, полюбила Софи вопреки всему этому. Все они готовы были поклясться, что она хорошо влияет на Дэниела — а это о многом говорило. Ведь он был для семьи светом в окошке.

На следующее утро Софи заработала еще больше очков, настояв на том, чтобы Дэниел и Роб позавтракали вдвоем в «Ваффель-хаузе». В день рождения они всегда завтракали только вдвоем. Софи поцеловала Дэниела на прощание и закрыла за ним дверь, а потом помогла Элейн испечь шоколадный торт — еще одна традиция семьи Гарландов.

— Расскажите про Дэниела в детстве, — попросила она, неуклюже растирая масло. Она уже призналась, что совершенно бесполезна на кухне.

Элейн секунду подумала, а потом сказала, что он совершенно не изменился. Типичный первенец. Энергичный. Перфекционист. И при этом чувствительный и сентиментальный, добрый и немного странный.

— Хорошо еще, что он перерос свою раздражительность, — со смехом сказала она, — а больше ничего не изменилось.

— Он раньше часто злился? — спросила Софи.

Элейн кивнула и рассказала свою любимую историю о том, как Дэниел лупил по стене спальни деревянной битой из-за того, что Джози изрисовала его драгоценную карточку с Аароном Хэнком розовым мелком.

— Видела бы ты штукатурку на этой стене, — гордо сказала она.

— Подождите, это вы про ту карточку, которую он до сих пор носит в бумажнике? — уточнила Софи. Из-за акцента все, что она говорила, звучало очень серьезно.

— Именно, — подтвердила Элейн и рассказала о хоумране, который Дэниел выбил на следующий день после того случая. Потом он назначил карточку своим талисманом.

Вечером они все вместе отметили день рождения Дэниела в «Блю ридж гриль». Дэниел, истинный студент Лиги плюща, надел пиджак, серебряные запонки (подарок Софи) и блестящие черные лоферы с по-европейски длинным носком. На сдержанный наряд Роба все это совсем не походило. Выбравшись из машины на парковке, они поддразнивали друг друга: «Дэнни, и где ты это взял?..» — «А ты как дед старый...» — «Ты намазал на себя столько геля для волос, что на лошадь бы хватило...» — «Зато у меня есть волосы».

Элейн знала, что эти перепалки только подтверждают, насколько эти двое близки друг другу. На сердце у нее стало тепло. Они прошли к круглому столику у камина, который всегда заказывал Роб. Элейн не до конца понимала, что произошло, но ее сын стал мужчиной и почти стал врачом, первым в семье. Но дела шли хорошо не только у Дэниела. Она подума-

ла, что, в общем, у них у всех все неплохо. Роб успешно работал и не выпил ни капли за последние три года. Их брак никто бы не назвал идеальным, но он был крепким. Джози и Мередит росли. Одна немного дичилась, а вторая казалась излишне мрачной, но обе были верны себе и своим желаниям. Одна училась на педагога, а вторая на актрису.

Беседа в тот вечер получилась оживленной и умной, говорили о событиях в мире. Воспоминания об 11 сентября были еще свежи. Шла война в Афганистане. Компания «Энрон» только что заявила о банкротстве, а Вайнону Райдер поймали на мелком воровстве. Были еще новости, которые интересовали только Дэниела и Софи: в Монголии только что зарегистрировали самое высокое атмосферное давление за весь период наблюдений, более тысячи гектопаскалей. Эта единица измерения ничего не говорила всем остальным, но они все равно запомнили ее на долгие годы.

— Ну ты и ботан, — заявила Джози брату, хотя втайне восхищалась его умом.

Она всегда полагалась на силу своей личности, но присутствие девушки вроде Софи заставило ее кое-что переосмыслить. Она поклялась в последний, пятый, год колледжа уделять больше внимания учебе.

Мередит тоже размышляла о жизни. Она была усердной и трудолюбивой, как и брат, но при этом оставалась одиночкой и часто ощущала пустоту, которую не могла толком ни понять, ни назвать. Этим вечером, глядя на брата с Софи, она подумала, что дело могло быть в любви. Что именно любви ей и не хватало.

После ужина они отправились домой и ели торт в столовой. Элейн вытащила из запасов хороший фарфор и серебро, Роб зажег двадцать пять свечей, они все спели песню — довольно

фальшиво, если не считать чистого сопрано Софи, — и смотрели, как Дэниел на несколько секунд закрыл глаза и разом задул все свечи.

— Что ты загадал? — спросила Джози. Кто-нибудь всегда задает этот вопрос.

Дэниел, конечно, не ответил, только таинственно улыбнулся. Роб разрезал торт, и Дэниел открыл подарки: кожаный портфель от родителей, фланелевую пижаму от Джози, подарочный альбом о бейсболе от Мередит. Скоро все пошли спать. Элейн притворилась, что не слышала, как скрипнул пол в коридоре перед гостевой спальней.

Утром она проснулась рано, потому что дождь громко стучал по крыше, а Роб собирал вещи для короткой поездки в Мемфис — это был его последний шанс закончить дело мировым соглашением до конца года. Она встала сварить кофе и проводить его, потом сходила в спортзал со своими девочками. Все они мечтали сбросить по паре килограммов, прекрасно понимая, что после праздников этих киллограммов будет уже не меньше трех. Потом они вернулись домой, приняли душ и остаток дня посвятили магазинам, пробкам, толпам в торговом центре на Ленокс-Сквер и мелким перебранкам.

Дома они оказались уже в сумерках. Дэниел как раз собирался отвезти Софи в аэропорт, к ночному рейсу в Лондон. Дождь наконец-то кончился, но сильно похолодало, поэтому, обнимаясь, целуясь и желая друг другу счастливого Рождества, все дрожали. Сев в машину, Софи еще раз всех поблагодарила.

— До скорого, — сказала Элейн, потому что ненавидела прощаться.

Через час, когда Элейн заворачивала подарки на кухонном столе, Дэниел распахнул дверь, впустив в кухню клуб холодного воздуха и легкий запах духов Софи. Элейн быстро прикрыла

упаковочной бумагой тапочки, которые собиралась подарить ему, и велела не подглядывать.

— Не буду, — Дэниел покачал головой.

Он никогда не подглядывал, в отличие от сестер, которые всегда гордились своей способностью находить спрятанные подарки заранее.

Он сел за стол и тоскливо вздохнул — очевидно, он уже скучал по Софи.

— А где девочки? — так он всегда называл Джози и Мередит.

— Мередит у себя в комнате, Джози ушла куда-то.

Он кивнул и помог ей с упаковкой — отрезал куски скотча, придерживал ленточку на месте, пока она делала бантик. Обычно он не очень много разговаривал, но сегодня его просто прорвало, и он постоянно восторгался Софи. Он уверял, что они настроены очень серьезно и собираются проходить резидентуру по хирургии вместе.

— Ты думаешь, она и есть та единственная? — спросила Элейн.

— Да, — глаза у него вспыхнули. — Она удивительная. Я не могу представить лучшей матери для своих детей.

Элейн улыбнулась сыну, думая, что он еще совсем юн и честолюбив, но уже понял, что в жизни важнее всего. Интересно, есть в этом их с Робом вклад? Или он просто таким родился? Потом решила, что верно и то и другое, и поцеловала Дэниела в лоб. Потом он пошел в душ.

По дороге в свою комнату он прошел мимо открытой двери Мередит. Она выглянула наружу и спросила, может ли взять его диск Мэйси Грэй. Он принес ей диск и попросил не поцарапать случайно.

— Я же не Джози. Я ничего не порчу.

Она знала, что ведет себя слишком мрачно, но ничего не могла с этим поделать. Наверное, все дело в ПМС. Или в погоде. Или в мерзком поведении старшей сестры, которая ее рассердила, а потом ушла из дома в слишком тесных джинсах и слишком маленьком топике.

— Ты в порядке? — спросил Дэниел.

— Ты о чем?

— Какая-то ты грустная.

— Просто у меня лицо такое.

Он присел на край ее кровати и задал еще несколько вопросов о курсах актерского мастерства и о мальчиках. На мгновение ей захотелось рассказать ему, как одиноко ей было совсем недавно, но потом она передумала. Тогда он ушел в душ. Ей сразу стало стыдно, потому что она не сказала ничего хорошего о Софи. Надо сделать это завтра. Вообще надо лучше вести себя с людьми. Она закрыла глаза, слушая, как Мэйси Грэй поет: «Я верю, что судьба привела нас сюда».

Через час, после очень долгого горячего душа, Дэниел вернулся в кухню. Мать все еще повязывала ленточки на банки с домашними сырными палочками, которые всегда дарила соседям.

— Съезжу за бургером, — сказал он.

— С мокрой головой? — нахмурилась она. — Простудишься же.

Он взял с крючка у двери шапочку с логотипом Йеля и зеленый клетчатый шарф, надел и то и другое. Она удовлетворенно кивнула и снова перевела взгляд на огромный красный бант.

— Скоро вернусь, — сказал он, открывая дверь.

— Ага, — отозвалась она, не поднимая головы. Она не знала, что это последние слова, которые она скажет сыну.

На похоронах Дэниела Роб говорил об этих последних днях. О том, каким хорошим сыном был Дэниел, как любил семью, друзей и Софи. Как они с Эйлин гордились его достижениями, но еще сильнее — его характером и добротой.

— За все свои двадцать пять лет он ни разу нас не расстроил, — сказал Роб дрожащим голосом. Он то и дело делал болезненно длинные паузы, пытаясь собраться. — Ни разу.

Потом Элейн не раз задавалась вопросом о том, сколько людей в церкви сочли, что ее муж преувеличивает. Разумеется, отец должен был говорить о покойном сыне громкие слова. Разумеется, он должен был представить своего ребенка уникальным и невероятным. Но Дэниел на самом деле был уникален и порой ей, против всякой логики, казалось, что именно это и стало причиной трагедии. Что если бы Дэниел был глубоко порочен или хотя бы больше походил на обычного, безрассудного и ни о чем не думающего, двадцатилетнего парня — напивался бы изредка или занимался мимолетным сексом с девушками, имен которых не запоминал, — он был бы еще жив. Но он, золотой мальчик, был слишком хорош для этого мира.

Иногда она спрашивала себя: устроила бы ее такая ситуация? Один из бесконечных вопросов жестокой и бессмысленной игры в «А что, если?»

А что, если бы Дэниел не пошел за бургером? Если бы она поджарила ему яичницу вместо этого? Если бы она задержала его, поправляя оливково-зеленый шарф на шее, чтобы он свисал на одинаковую длину с обеих сторон? Если бы она просто подошла к нему, поцеловала в небритую щеку, сказала бы что-нибудь... Что угодно, кроме «ага».

Она знала ответы. Она знала, что, если бы это случилось, Дэниел бы не столкнулся с «Денали», которую занесло на обледеневшем перекрестке Мурс-Милл и Нортсайд, всего в двух

милях от дома. Она никогда бы не увидела седого вежливого полицейского, который появился у них на пороге примерно через тридцать минут, и на лужайке перед домом не было бы красных и синих пятен света от патрульной машины. Она не стала бы названивать Робу, яростно тыкая в кнопки, пока он наконец не ответил бы из аэропорта в Мемфисе. Ей не пришлось бы произносить эти слова вслух, будить Мередит, повторять известие снова. Она не искала бы Джози, не ехала бы в больницу Грейди с одним из своих троих детей, молясь об ошибке, о том, чтобы это оказался кто угодно, кроме Дэниела. У нее не осталось бы кошмарных воспоминаний о муже, ныне бывшем, приехавшем в тот же вечер, бросившемся на тело сына и с плачем повторявшем его имя снова и снова.

В той альтернативной вселенной, которую она напрасно себе представляла, Дэниел был бы счастливо женат на Софи, стал бы отцом двоих или троих детей. Работал бы врачом, возможно, прямо в Атланте, занимался бы настоящим делом, спасал бы жизни. В конце этого года ему бы исполнилось сорок, он стал бы мудрее и старше. Он понимал бы, что важнее всего семья. Что любовь прежде всего.

Они пытались напоминать себе об этом. О том, кем был Дэниел и чего он хотел для них. Иногда они даже принимали решения, думая о нем, или представляли, как он смотрит на них с небес. Но это не умаляло ни боли, ни чувства вины. Даже теперь, почти пятнадцать лет спустя, они чувствовали, что его нет, и понимали, что это никогда не изменится. Что они вечно будут сожалеть и думать о том, что было бы, если...